

Реакция Жун Чжао повергла присутствующих в истинное оцепенение. И Чжу Цзылина, и тем более Ли Мингу, на которого обрушилась вся тяжесть княжеского гнева.

Чжу Цзылин, так и не успев вставить ни слова, осекся. Он перевел взгляд с советника на Жун Чжао, и в его глазах, полных изумления, вспыхнуло живое любопытство.

Юноша никак не ожидал, что Жун Чжао, не дожидаясь его объяснений, самолично осадит оппонента.

Конечно, князь и раньше не церемонился с Чжу Жуйхуном, но тогда Цзылин списывал это на его скверный нрав и старые счеты. Ему казалось, что Жун Чжао просто пользуется случаем, чтобы лишний раз поиздеваться над нелюбимым тестем.

Однако этот немолодой ученый явно входил в ближний круг князя. Цзылин полагал, что муж, скорее всего, примет сторону верного соратника, а не своего «ванфэй-пустоцвета». В крайнем случае он ожидал, что Жун Чжао позволит им обменяться парой колких фраз, а затем сухо закроет тему. Даже если бы Ли Мингу в итоге наказали, Ли-ван вряд ли стал бы так беспощадно лишать его лица с первого же слова.

Выходило, что Жун Чжао был ледяным и отстраненным не только с врагами, но и с преданными ему людьми. В этом сквозило нечто по-настоящему тираническое.

Но с другой стороны... разве это не значило, что муж относится к нему по-особенному?

Цзылин удивленно моргнул, всё еще не до конца веря своим догадкам.

Раньше Жун Чжао тоже сердился на него и пугал своим холодом, но сейчас всё ощущалось иначе. Прежде это была просто злость, лишенная жажды крови, поэтому юноша никогда по-настоящему не тревожился. Теперь же он отчетливо уловил едва заметный, но вполне реальный аромат жестокости и первобытной ярости.

Казалось, в этот раз Жун Чжао был раздражен куда сильнее, чем когда-либо раньше. Но почему?

Цзылин мельком взглянул на плотно сжатые челюсти князя — если не задирать голову, взгляд падал именно на его волевой подбородок. Мимоходом отметив про себя, что профиль у мужа просто безупречен, юноша погрузился в раздумья.

Неужели Жун Чжао разозлился не на то, что советник влез не в свое дело, а на то, что тот посмел оскорбить его, ванфэй?

Цзылин едва подавил усмешку. Он трезво оценивал ситуацию: для Ли-вана он был лишь красивой ширмой, к тому же весьма подозрительной. То, что князь не казнил его на месте, а позволил жить в довольстве, уже было великой милостью. Вряд ли за этим стояла искренняя привязанность. Скорее Жун Чжао был просто человеком слова, а Чжу Цзылин — достаточно бесстыдным, чтобы пользоваться его добротой.

Конечно, пренебрежение советника к ванфэй бросало тень на авторитет самого господина. Но правители обычно смотрят на такие вещи сквозь пальцы, если им выгоден слуга, — история знает немало примеров, когда дерзкие рабы помыкали хозяевами. Тот факт, что Жун Чжао предпочел защитить его честь, искренне поразил Цзылина.

«Что ж, раз он так реагирует, значит, не стоит опасаться, что слова этого ворчуна настроят его против меня?» — Чжу Цзылин довольно прищурился, и в его больших глазах заплескались искры.

«Похоже, мои старания по задабриванию своего "талона на питание" не прошли даром!»

Если бы Жун Чжао знал, о чем сейчас размышляет этот юноша, его гнев наверняка возрос бы многократно.

К счастью, князь был слишком занят советником. Его лицо, скованное холодом, оставалось бесстрастным, а взгляд — лишенным тепла.

Ли Мингу ощутил, как ледяная аура князя придавила его к земле, перехватывая дыхание. Он не чувствовал жажды убийства, но, встретившись с Жун Чжао глазами, застыл в немом шоке. Удивление собеседника было куда глубже, чем у Цзылина.

— Ваше... Ваше Высочество? — губы Ли Мингу задрожали. Это не был страх смерти — он верил, что Жун Чжао никогда не поднимет на него руку. Его терзала обида.

То, что князь ради Чжу Цзылина обрушил на него свой гнев, было за пределами понимания. Старый слуга не мог с этим смириться. Он ведь не раз предостерегал князя от этого брака, и Жун Чжао тогда соглашался! Неужели этот мальчишка и впрямь околдовал его?

Советник не выдержал тяжести чужого взгляда и рухнул на колени. Но даже в этой позе он не смог смолчать:

— Я признаю свою дерзость, но я лишь хотел предостеречь ванфэй из лучших побуждений! Неужели Ваше Высочество пойдет на такое ради него?

В его голосе звучала скорбь, смешанная с негодованием. Он смотрел на Ли-вана как на ослепленного страстью тирана, который отказывается слушать горькую правду.

В глубине души Ли Мингу никогда не признавал этого юношу, навязанного императором

Юнсюанем, законным супругом. Одной воли императора на этот брак было достаточно, чтобы вынести Чжу Цзылину смертный приговор в его глазах. Такой союз не приносил князю никакой пользы: ни связей, ни наследников. Более того, поведение Цзылина, его постоянные попытки подобраться поближе к Жун Чжао, казались советнику крайне подозрительными.

Он видел в ванфэй лишь досадную помеху, которую нельзя было устранить немедленно, но которой ни в коем случае нельзя было давать власть над разумом князя. Когда Жун Чжао свергнет пса-императора и отомстит за гибель Цзин-гогуна, от Чжу Цзылина нужно будет избавиться раз и навсегда.

Именно поэтому советник никогда не проявлял к юноше должного почтения. И теперь, видя защиту князя, он терялся в догадках: неужели Жун Чжао и впрямь считает этого мальчишку своей семьей?

Князь Ли не должен был быть столь мягкосердечным и неразборчивым!

Ли Мингу выглядел глубоко удрученным, и от этого вид Жун Чжао стал еще более угрожающим. Фан Цзянь, стоявший в стороне, похолодел: он не ожидал, что советник продолжит упорствовать и даже осмелится бросать князю вызов. Ему хотелось подскочить к нему и просто зажать рот ладонью.

Страж затравленно огляделся, пытаясь найти способ разрядить обстановку, но слова застряли в горле. Мрачное выражение лица князя лишало воли.

Однако двое других присутствующих были куда смелее. Особенно Ли Мингу, который, даже стоя на коленях, не выказывал ни тени раскаяния. Фан Цзянь совершенно не понимал, что делать.

Этот человек отличался от остальных. Фан Цзянь и другие воины примкнули к Жун Чжао, когда тот уже начал возвышаться на Северо-Западе. Но Ли Мингу был из старой гвардии Цзин-гогуна. После дела о государственной измене он, рискуя жизнью, нашел способ связаться с юным князем, запертым в столице, и оказал ему неоценимую поддержку. Именно он помог господину собрать верных людей и укрепить позиции. За десять лет его преданность не вызвала сомнений.

Пусть он был прямолинеен и порой лишен гибкости, его заслуги были огромны. Можно было сказать, что Жун Чжао был обязан ему жизнью. Именно поэтому Ли-ван всегда выделял его среди других, прощая некоторую вольность и почитая как наставника.

Вероятно, именно эта уверенность в своей исключительности лишила Ли Мингу осторожности. Раньше он тоже пытался давать князю советы, но делала это деликатно, и тот прислушивался к нему. Но сегодня...

Фан Цзянь судорожно сглотнул, боясь, что ситуация окончательно выйдет из-под контроля.

— Вы считаете, что я перегибаю палку? — ледяным тоном спросил Жун Чжао. — Или вы просто забыли, где находитесь? Неужели мои слова для вас больше ничего не значат, господин?

Голос князя креп с каждым слогом. Когда он договорил, стоявшая в углу ваза внезапно взорвалась, разлетевшись на тысячи осколков. Резкий звук заставил сердце советника пропустить удар.

Тот даже не заметил, как один из острых обломков пролетел в волоске от него, с тихим хрустом распоров рукав халата и едва не коснувшись кожи. Осколок с чудовищной силой врезался в соседнее украшение, вызвав новый грохот.

Хотя Ли Мингу и не боялся смерти от руки князя, этот выпад заставил его задохнуться. Тело сковало дурнотой, сердце бешено колотилось в груди. Почувствовав холод в области предплечья, он увидел прореху в ткани и в ужасе задрожал.

Неужели Жун Чжао поднял на него руку?!

Ошеломленный Ли Мингу уставился на князя, задыхаясь от негодования:

— Ваше Высочество... Вы нападаете на меня ради этого человека? — его голос сорвался на крик. — Неужели вы и впрямь ослеплены этим коварным юнцом и потеряли рассудок?! Я знал, что император прислал его с дурными намерениями! Еще недавно вы говорили, что он — лишь щит, а теперь, спустя всего несколько дней, вы готовы покалечить верного слугу из-за него... Если так пойдет и дальше, этот мальчишка окончательно затуманит ваш взор, и вы забудете о крови девяти поколений рода Цзин-гогуна, взывающих к мести!

Советник смотрел на Жун Чжао с бесконечным разочарованием.

— Вы всегда были мудры и ни разу не давали повода усомниться в себе. Кто бы мог подумать, что обычный муж-супруг лишит вас воли! Как вы посмотрите в глаза своим воинам? Как предстанете перед покойной императрицей? Как ответите перед сотнями героев вашего рода, казненных у врат Умэнь?!

— Довольно! — оборвал его Жун Чжао.

Князь крепко зажмурился. Перед глазами невольно всплыли жуткие картины детства: залитый кровью эшафот, крики... Мир вокруг снова начал окрашиваться в багряные тона. Он стиснул виски ладонью, пытаясь подавить тупую боль, пульсирующую в глубине черепа.

Фан Цзянь, заметив это движение, похолодел. Неужели сейчас начнется приступ? Нужно немедленно уводить всех из кабинета, пока не стало поздно!

Но тишину пререзал другой голос.

— Что за чушь вы несете? — Чжу Цзылин поначалу не заметил состояния Жун Чжао, так как его до глубины души возмутили речи советника. — Вам всего лишь порвали рукав, даже царапины нет, а вы уже кричите о покушении! При чем здесь вообще Цзин-гогун? Вы приплываете сюда армию, мать князя, его предков...

Юноша сделал шаг вперед, встав между ними.

— Вы что, возомнили себя их представителем? Если князь наказывает подчиненного за дерзость — это уже предательство памяти павших? Послушать вас, так ваша гордыня шире океана, а язык острее, чем у уличного сказителя. Жаль, что вы не служите у императора — с таким талантом фабриковать обвинения вы бы далеко пошли.

Ли Мингу, еще секунду назад выглядевший как символ праведного гнева, мгновенно побагровел. Чжу Цзылин попал в самую больную точку: тот ненавидел императора больше всех на свете, а его сравнили с его прихвостнями. Он поднял дрожащий палец, пытаясь что-то возразить, но из горла вырывался лишь невнятный хрип. От пережитого потрясения и долгого стояния на коленях его сознание начало мутиться.

Но Цзылин еще не закончил:

— И кто тут кого околдовал? Не судите других по себе. Вы только и делаете, что нашептываете князю гадости обо мне в кабинете. Но я-то про вас ничего плохого не говорил! По сравнению с тем "ветром", что вы надуваете в кабинете, мой "подушечный"... вернее, "застольный шепот" — это сущие пустяки, верно?

Фан Цзянь внезапно почувствовал укол совести.

— Слеплен... — продолжал Цзылин. — По-моему, Ваше Высочество соображает куда лучше вас. Вы меряете всех своими искаженными стандартами, поэтому нормальные люди кажутся вам безумцами. Но видеть в каждом слове «колдовство» — это уже за гранью.

Чжу Цзылин с искренним сочувствием посмотрел на Ли Мингу.

— С виду приличный старик, а мысли такие грязные...

Фан Цзянь снова виновато отвел взгляд. Но если страж лишь молча сгорал от стыда, то реакция советника была куда бурнее. Слова Цзылина, сыпавшиеся градом, не давали ему вставить и слова. Гнев и обида переполнили его, грудь судорожно вздымалась. Он долго пытался выдавить хоть звук, но в итоге лишь закашлялся, и на пол брызнула алая кровь.

Фан Цзянь, увидев кровавые капли, вздрогнул от ужаса и немедленно посмотрел на Жун Чжао. Князь не выносил вида крови во время приступов — это могло обернуться катастрофой.

Но, к удивлению стража, Жун Чжао выглядел вполне спокойным. Признаки надвигающегося приступа бесследно исчезли. Напротив, лед на его лице немного подтаял, и он смотрел на Чжу Цзылина со странным, трудночитаемым выражением.

Сам Цзылин тоже был немного озадачен. Он не ожидал, что его слова доведут собеседника до кровавого кашля. Пусть он и назвал его стариком, Ли Мингу был всего лишь мужчиной средних лет. Неужели его здоровье настолько слабое?

Юноша с самым невинным видом развел руками:

— Я не нарочно. Не вздумайте сваливать это на меня.

Фан Цзянь невольно посочувствовал советнику: Чжу Цзылин обладал поразительным даром доводить людей до белого каления. Тот вновь зашелся в кашле, выплевывая кровь.

«Хорошо, что Сяо Юэмин меня предупредил», — подумал страж. Если бы на месте Ли Мингу был он, даже его молодое здоровье могло не выдержать подобных словесных атак.

Понимая, что господину Ли совсем плохо, Фан Цзянь хотел было поднять его и позвать лекаря, но побоялся гнева князя. К счастью, Жун Чжао заговорил первым:

— Люди, отведите господина к лекарю.

Несмотря на заботу о здоровье, голос Ли-вана оставался ледяным, а привычное почтение к советнику испарилось без следа. Фан Цзянь понял: положение Ли Мингу в поместье пошатнулось окончательно.

«Ванфэй действительно лучше не злить», — философски отметил про себя страж, глядя, как слуги выносят едва дышащего человека.

На самом деле Жун Чжао не отвернулся бы от верного слуги лишь из-за грубости в адрес супруга. Поначалу он был готов ограничиться простым признанием вины. Но червоточина в душе Ли Мингу проявилась уже давно.

Советник видел в нем не господина, а лишь инструмент мести за род Цзин-гогуна. Его целью было не служение князю, а уничтожение врагов. И если бы интересы Жун Чжао вошли в противоречие с жадной мести, тот без колебаний выбрал бы второе. И требовал того же от самого князя.

Долгое время Жун Чжао и сам жил только этим. Ненависть была его единственной опорой.

Но появление Чжу Цзылина, в котором он узнал того самого ребенка из прошлого, привнесло в

его мрачные мысли светлую тень. Подобно тому как когда-то в детстве этот мальчик вырвал его сознание из кровавого хаоса, сейчас он вновь пробудил в нем чувства, не связанные с мезтью. Князь по-прежнему собирался покарать виновных, не жалея себя, но теперь он хотел, чтобы Чжу Цзылин был в безопасности и довольстве.

Ли Мингу же требовал, чтобы в сердце господина не оставалось места ни для чего, кроме яда бывшего горя.

Жун Чжао помнил о старых заслугах этого человека, но не собирался позволять кому-либо распоряжаться своей жизнью. Даже если этот человек когда-то помог ему выжить. Как только советник открыто заявил о своем желании контролировать его поступки, князь вычеркнул его из числа близких людей.

Ванфэй был лишь поводом.

Сам Чжу Цзылин, пришедший всего лишь угостить мужа лапшой, не ожидал такой драмы. Као лэнмянь уже начала остывать. Его попытка выказать заботу обернулась тем, что соратник князя начал харкать кровью. Пусть он и защищал Жун Чжао, ситуация вышла неловкой.

Впрочем, Цзылин не привык долго терзаться сомнениями. Он как ни в чем не бывало обернулся к мужу:

— Ваше Высочество, лапша остынет, если не съедите её прямо сейчас. Попробуйте же!

Жун Чжао взглянул на его сияющее лицо. Казалось, недавняя сцена ничуть не испортила юноше настроения. Князь помедлил, а затем взял палочки и попробовал кусочек. Правда, из-за роящихся в голове мыслей он едва ли почувствовал вкус.

— Ну как? — с надеждой спросил Цзылин. — Годится для продажи?

— Неплохо, — коротко отозвался Жун Чжао.

Чжу Цзылин удивленно моргнул. «Неплохо» от Жун Чжао — это был почти высший балл! Хотя ему казалось, что такое простое блюдо не совсем во вкусе князя.

Но главное потрясение было впереди.

— Ты и впрямь хочешь открыть этот Гастрономический город? — спросил муж. — У меня есть подходящее здание. Если ты настроен серьезно, оно твоё.

— Что? — Цзылин широко раскрыл глаза. — Вы даете мне помещение?

Он замялся. «Дает» — значит сдает в аренду или дарит?

— Ты ведь настаивал на пятидесяти процентах прибыли? — продолжил Жун Чжао. — Считаю это моим вкладом в дело. Через несколько лет, когда твои выплаты покроют стоимость здания, оно полностью перейдет в твою собственность.

Чжу Цзылин застыл. На языке его прежнего мира это называлось «ипотека без первого взноса и процентов». Фактически он получал здание даром, ведь прибыль и так делилась пополам. Обычно инвестор забирает свою долю бесконечно долго, а имущество остается при нем. Ли-ван же предлагал отдать ему право собственности после пары лет успешной торговли.

Это был царский подарок. Подобные здания стоили баснословных денег, и найти их было почти невозможно. Цзылин упомянул о «городе» вскользь, не надеясь на реализацию, а муж просто взял и решил проблему.

Юноша почувствовал легкое замешательство. Неужели Ли Мингу был прав и он действительно «околдовал» князя?

Но Цзылин быстро отогнал эту мысль. Он не делал ничего особенного, лишь приносил еду, которая Жун Чжао не слишком-то и нравилась. Тут было что-то другое.

Вспомнив слова советника о том, что он — «щит», Цзылин нашел это объяснение куда более логичным. Ему вовсе не было обидно, наоборот — такая сделка его полностью устраивала.

Он получает от Ли-вана защиту и пропитание, а тот прикрывается им от императора. Идеальная гармония. Правда, когда князь взойдет на престол, щит ему может больше не понадобиться... а Цзылин всё еще мечтал о доступе к императорской кухне.

«Значит, нужно стараться еще лучше, — решил про себя юноша, — чтобы талон на питание не аннулировали раньше срока».

И всё же Жун Чжао был слишком добр к своему «щиту». Возможно, Чжу Цзылин был прав с самого начала: за маской жестокого тирана скрывался настоящий филантроп с чистым сердцем? Посмотрите, как он обошелся с Ли Мингу — всего лишь порвал рукав. А ведь Цзылин довел беднягу до кровавой рвоты! Князь оказался куда милосерднее его самого.

Цзылин всё больше убеждался в этой теории. А раз с Жун Чжао так легко договориться, то и его безбедное будущее в безопасности.

Довольный тем, что заполучил здание и избавился от назойливого советника, Чжу Цзылин вскоре удалился под задумчивым взглядом Фан Цзяня.

Жун Чжао долго смотрел ему вслед. В его темных глазах отражалась бездна, в которой

невозможно было прочесть ни одной эмоции.

Услышал ли Цзылин слова про «щит»? Неужели это его совсем не задело?

— Ваше Высочество, — голос Фан Цзяня прервал его раздумья. Страж замялся. — Как быть с господином Ли?

Тот был заслуженным человеком, но его сегодняшняя наглость перешла все границы. Наказание было неизбежно. Фан Цзянь гадал: ограничится ли князь формальным выговором или лишит Ли Мингу полномочий навсегда. Ведь тот вел немало важных дел.

— Пусть отдохнет и поправит здоровье, — сухо распорядился Жун Чжао.

Фан Цзянь кивнул. Это означало опалу на неопределенный срок. Он не понимал, чем руководствовался Ли Мингу. Занимая столь высокое положение, он полез на рожон, оскорбив ванфэй и дерзя самому господину. Неужели он считал, что старая помощь дает ему право вечно поучать Ли-вана?

Для Жун Чжао же всё было ясно. Советник действительно верил в свое право наставлять его. Он считал себя спасителем князя. Ведь в тот страшный год, когда Жун Чжао в двенадцать лет бросили на поле боя, именно Ли Мингу, используя связи старого гогуна, помог ему выжить.

Тот полагал, что без него Ли-ван сгинул бы в той пучине. И эта вера в собственную значимость породила в нем гордыню.

Жун Чжао криво усмехнулся.

Никто из них никогда не был его спасителем. Единственным, кто по-настоящему вытащил его из той тьмы, был маленький ребенок, который много лет назад, встав на цыпочки, осторожно дул на его раны.

<http://bllate.org/book/15829/1438933>